

Обрыв [Obryv]. 1907

Sankt-Peterburg: ИУ^V. Gol'dberg, 1907

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/XEJ7RL5B7L6U38E>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

For information on re-use, see

<http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/Copyright>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

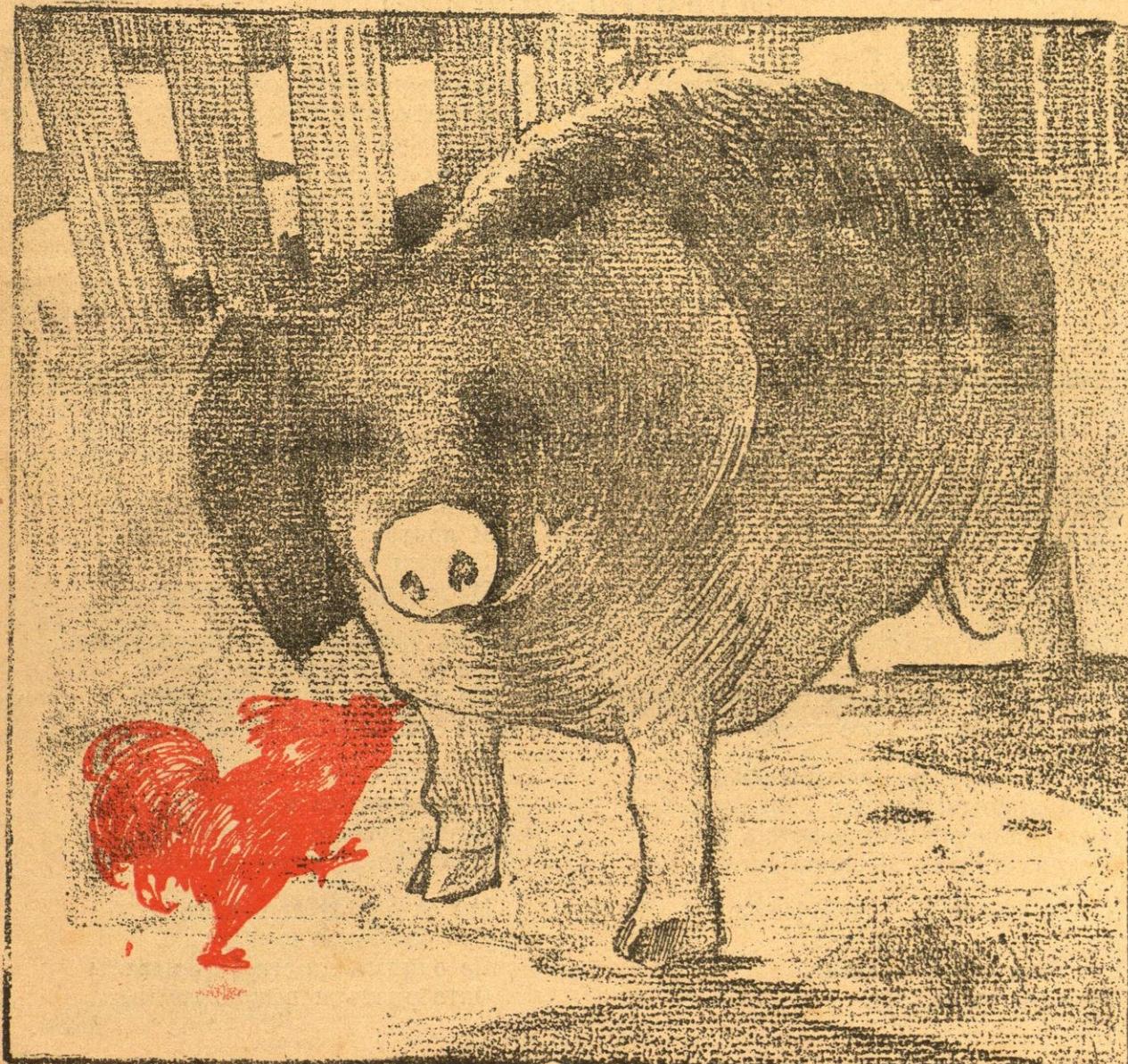
+ Rose Books
R.U. XII - 40

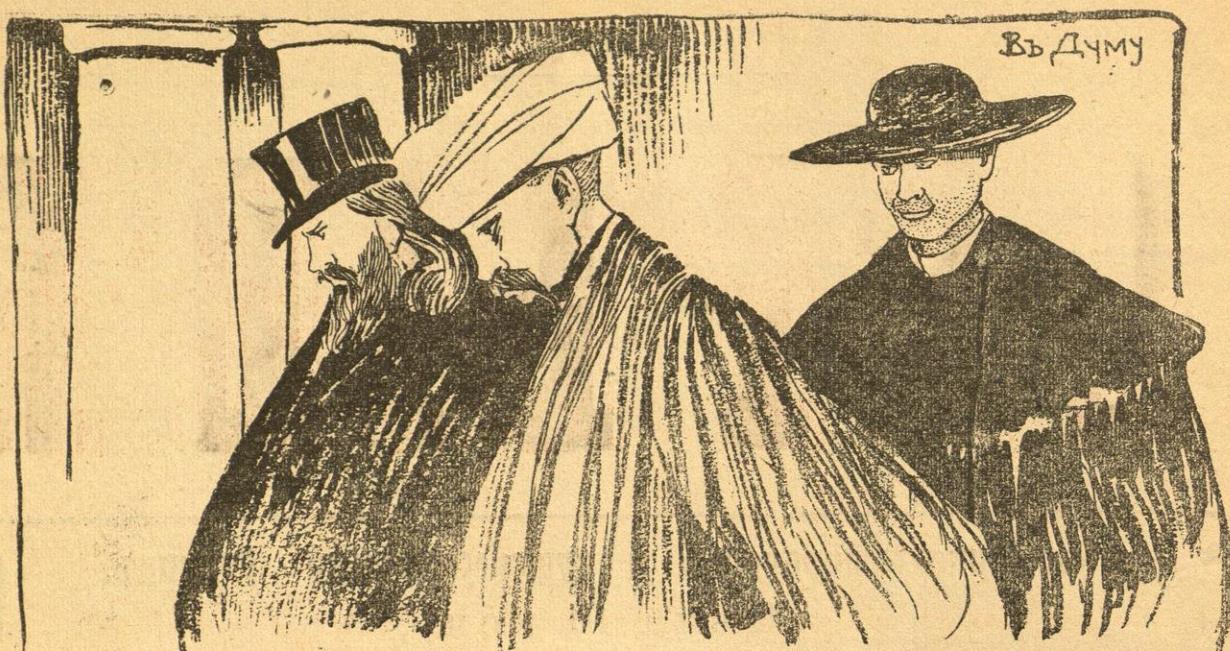
1907.

ОБРЫВЪ

Политико-сатирический и художественный сборникъ.

Цѣна 10 коп.

Міровыя слезы.

изъ Ю. ГОЛЬДЕРГА.

Что съ тихимъ трепетомъ съ высотъ горить почами,
И призрачно дрожитъ, какъ тайна передъ нами;
Что въ сумракѣ небесъ привѣтливо мерцаеть,
И что иной слѣпецъ за звѣзды принимаетъ,—

Все это жемчугъ слезъ—святая слезы міра;
Застывшія навѣкъ въ безбрежности эаира.
Ихъ Богъ и ангелы, скорбя въ нѣмой печали,
О горестяхъ людскихъ когда-то проливали.

Ю. Г.

Плачъ октябристовъ.

Всѣ усилія поліції,
Да поможетъ ей Господь,
Не сумѣли оппозиції
Въ „Русскомъ сердцѣ“ побороть.

Всюду сыпятся овациі
На ликующихъ кадетъ,
И мотивовъ для кассациі,
Къ сожалѣнью, вовсе нѣтъ.

Ужъ не вѣра въ благоденствіе
Одурманенной паству,
Горько плачетъ духовенствіе
На развалинахъ Москвы.

Всюду шествуя съ оглоблями,
Выпивъ съ горя и тоски,
Патріоты наши воплями
Потрясаютъ кабаки.

Охъ, Москва, Москва великая,
И почто ты сѣла въ грязь?
Неужли крамола дикая
Да къ лицу тебѣ пришлась?

Ужъ какъ только грѣховодники
Силу въ думѣ заберутъ,—
Не спасутъ тебя угодники,
Не помогутъ и Грингмутъ.

Будешь бѣдная ты маяться
Безъ притула и угла...
Люди русскіе, покаяться
Намъ давно пора пришла!

Мы зато вѣдь и наказаны,
Что боролися вразбродъ...
Не однимъ ли муромъ мазаны
Октябристъ и потреотъ!

Альми.

У мироваго.

Въ камеру мироваго судыи вызванъ за буйство въ трактире, членъ союза русскаго народа, купецъ II гильдіи Судомойкинъ, побившій маркера Семенова за свободомысліе. Судомойкинъ слегка на веселѣ. Нѣсколько человѣкъ свидѣтелей и городовой предстали одновременно для дачи показаній.

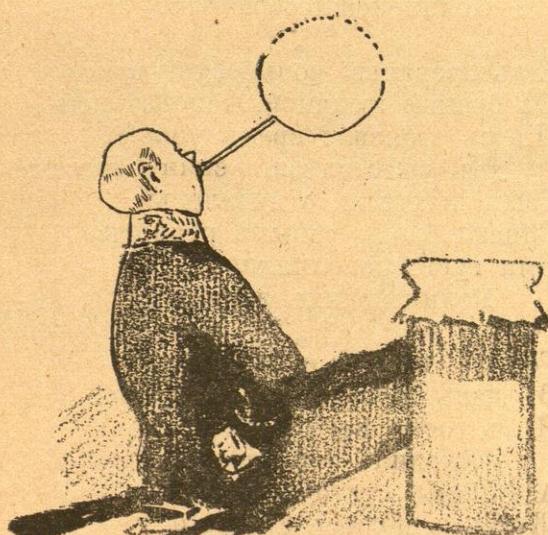
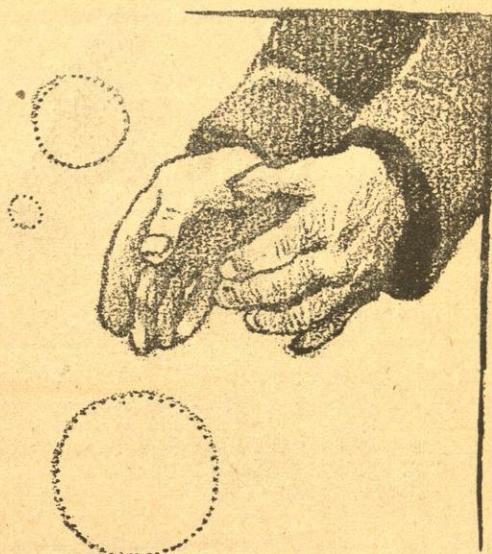
Миров. судья. Илья Ивановъ Судомойкинъ, вы обвиняется въ нанесеніи оскорблениія дѣйствіемъ мѣщанину Павлу Семенову. Признаете себя виновнымъ?

Судомойкинъ. Ни въ жисть. Господинъ мировой судья, дозвольте разсказать по порядку. Играю я, значитъ, на билльярдѣ, съ Иваномъ Савеличемъ, — мясникъ онъ, рядомъ торгуемъ. Хорошо. Я, значитъ, говорю что насупротивъ нашего союза никто выстоять не можетъ, потому мы за Царя и Отечество и ежели, къ примѣру, всѣхъ этихъ самыхъ писателей, да студентовъ, да безработныхъ и прочихъ внутреннихъ враговъ сокрушить—то мы это можемъ за первый сортъ и начисто. Только это я скажи, а маркеръ, значитъ, стоитъ у стѣнки и повель такую рѣчъ:— съ Васъ, говоритъ, душегубовъ, да алтынниковъ живьемъ шкуру бы содрать, да перцомъ посыпать. Потомъ стала онъ такие слова говорить, что на тощакъ не вымоловить, вотъ, что ионѣ въ газетахъ пишутъ—мы, говорить, вегетарии и пролетарии и сознательные и, говоритъ, жертвуйте на вооруженіе, а что говорить на счетъ Царя и Отечества, это говорить никакъ невозможно и ничего этого нѣтъ. Ну, значитъ, я его и давай кіемъ долбить, потому ежели я членъ союза и за Царя и Отечество—то натурально долженъ бить.

Миров. судья. (прерывая) Садитесь. Павелъ Семеновъ. Угодно вамъ помириться?

I.

ИЗЪ СОЛОМИНКИ.

II.
ВЪ РУКИ.

Пав. Семеновъ. Никакъ невозможно. Не имѣю такого права. Если каждый купецъ начнетъ объ меня кіи ломать, то я, какъ членъ всероссійскаго союза пролетаріевъ, которые...

Миров. судья. (прерывая). Это до дѣла не относится. Садитесь. Свидѣтель старшій дворникъ Голопузовъ. Что вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Голопузовъ. Ваше Высокоблагородіе! не токмо что бить ихъ надо, этихъ самыхъ пролетаріевъ— а прямо кишкы вонъ. Это я вѣрно говорю. Намедни околоточный говорилъ, что даже награда выйдетъ,— только, говоритъ, души ихъ. А на счетъ Судомойкина—такъ онъ не виноватъ.

Миров. судья. Въ протоколѣ сказано, что Судомойкинъ сломалъ объ Семенова кіи—стало быть виноватъ.

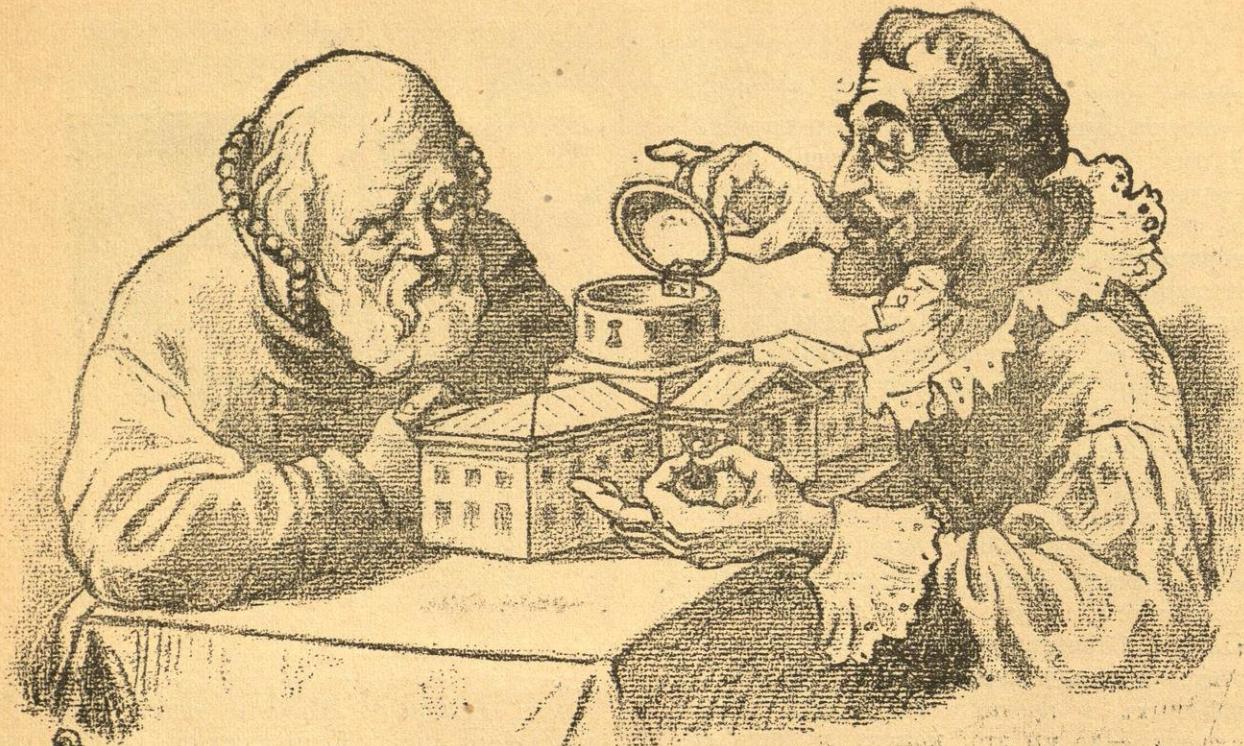
Голопузовъ. Мнѣ доподлинно извѣстно-сь, что этотъ кіи раньше былъ сломанъ и объ того же Семенова, только купецъ другой былъ.

Маркеръ Семеновъ. Г. судья, изволили слышать? Вѣдь купцовъ много и кіевъ много, а я одинъ, притомъ человѣкъ семейный и пролетарій. Прошу поступить по всей строгости основныхъ законовъ.

Миров. судья. (читаетъ приговоръ)... Купецъ Илья Судомойкинъ за нанесеніе оскорблениія дѣйствіемъ мѣщанину Семенову приговаривается къ 15 дневному аресту безъ замѣны штрафомъ.

Судомойкинъ. Ваше Высокоблагородіе! Помилуйте, какъ же это такъ! Я можно сказать, за Царя и Отечество, и вдругъ подъ арестъ. Да гдѣ-же это видано?... Кабы зналъ, что безъ замѣны штрафомъ, я бъ объ него всѣ кіи переломалъ...

Наблюдатель.

ЗАМОРЕСКАЯ ИГРУШКА (открывается и закрывается)

Изъ поэмы „Наканунѣ“.

Городъ, городъ необъятный!
Въ часъ тревоги, мнѣ понятной,
Я въ тоскѣ невѣроятной
Исходилъ тебя всего;
И сновали, будто тѣни,
Люди, полные смятеній,
Шелестѣли бюллетени,—
Наступало торжество!

* * *

Дамы въ платьицѣ ажурномъ,
Тихо вѣромъ пурпурнымъ
Шелестя, спѣшили къ урнамъ,
Гдѣ стоялъ городовой;
Мигъ прошелъ—и вдругъ изъ храма
Кѣмъ-то выведена дама,
Но она кричить упрямо,
Развивая вѣрь свой

* * *

„Я уживчиваго нрава.
Вѣдь парламентъ—не забава:
Избирательное право
Быть всеобщимъ не должно!“. .
Приставъ молвилъ: „протестую!
На отвѣтственномъ посту я
И теперь васъ арестую:
Быть въ тюрьмѣ вамъ суждено!“.

* * *

И могучіе казаки,
Ужъ готовые къ атакѣ,
Зашушукались во мракѣ,
Кто-то крикнулъ: „Разъ и Два!“

Но какъ разъ въ минуту эту
Всѣ узнали по секрету,
Что свиданіе кадету
Здѣсь назначила вдова...

* * *

Въ даль поборники рептилій
Даму тотчасъ пропустили,
А костюмъ въ новѣйшемъ стилѣ
Всѣхъ охранниковъ плѣнилъ.
День безсмысленныхъ мечтаній,
Мигъ терзаній, мигъ исканій—
Въ день обыденный свиданій
Полицейскій обратилъ.

* * *

Есть преданье: ночью бурной
Съ бранью желчной, нецензурной
Днемъ стоявшіе предъ урной
Въ урну влѣзли, снявъ кресты;
Тамъ пыхтѣли, отдувались;
Списки блока лѣвыхъ рвались:
Ими густо наполнялись
Полицейскихъ животы..

* * *

Городъ, городъ необъятный!
Въ часъ тревоги, мнѣ понятной
Я въ тоскѣ невѣроятной
Исходилъ тебя всого.
А шпіоны, будто тѣни,
Жуткихъ полные смятеній,
Разрывали бюллетени—
Приближалось торжество!

Андрей Синій.

Раешникъ.

Эй, честные господа, собирайтесь всѣ сюда!
Вали народъ—въ одинъ хороводъ!
Покажу всякаго жита по лопатѣ, есть и
свины въ халатѣ.
Потѣшайся старъ да младъ—я за пятакъ
всякому радъ.
Кто не платить, проваливай.—

—
Вотъ на видномъ мѣстѣ — сидитъ нашъ
Гурко въ креслѣ,
Пригорюнился видно,—ужъ больно ему
обидно.
Хотѣлось отличиться,—ань пришлось безъ
чиновъ удалиться.
А рядомъ Фредерикъ баронъ—на счетъ при-
тоновъ силенъ,
Ему въ Парижъ деньги перевели—а наши
газеты дѣло-то и расплели.
А вотъ и весь кабинетъ—что ни баринъ, то
портретъ;
Всѣ свои дѣла налаживаютъ—а голодныхъ
за дверь выпроваживаютъ,
Имъ охота на мѣстѣ оставаться — да при-
дется думушкѣ сдаться.
И плануютъ, какимъ бы манеромъ—она не
досталась эсъ-эрамъ;
А эсъ-эры ухмыляются -- до министровъ
давно добираются.
А рядомъ кадеты трусоватые—у нихъ души
полосатыя.
А вотъ охрана чрезвычайная—при ней союза
русского народа чайная
И бесплатныя народныя чтенія—на манеръ
наставлениѧ,—
Для малыхъ дѣтишекъ—чтобы не портили
штанишкѣ.
А вотъ богачи—жрутъ съ утра да разговари-
ваютъ въ телефонъ,
А у безработныхъ людей—давно душа вонъ!
А вотъ Грингутъ, Суворинъ, при нихъ
докторъ Дубровинъ.
Сѣпились вмѣстѣ, кричать благимъ матомъ,
Возглашаютъ анаѳему всѣмъ лѣвымъ супо-
статамъ.
Ну, народъ честной—отчаливай,
Кто на новую—еще пятакъ приваливай.

Грибъ.

C R E S C E N D O.

(Новѣйшая химія).

П. П. П.

На головѣ картузъ, а самъ онъ въ толстой шкурѣ;
Лба нѣть совсѣмъ; съ деньгой, дружить съ го-
родовымъ,
Опѣ малограмотенъ; женатъ на толстой дурѣ,
Въ союзѣ числится съ порядкомъ правовыми.

С. Р. Н.

На немъ „спинжакъ“ — для важности очки,—
Лицомъ „русакъ“, кулакъ — его свобода.
Ужасно любить шумъ, хоругви и значки,
Принадлежитъ къ союзу русскаго народа.

17. О. К. Т.

Съ улыбкой лѣстивой и во всемъ умѣренъ,
Чиновникъ родомъ и большой службистъ,
Въ перчаткахъ онъ; всегда въ себѣ увѣренъ,
По убѣженьямъ онъ — чистѣйшій монархистъ.

П. М. О.

Какъ черепки горшка разбитаго, пустого,
У октяристовъ вдругъ явились отщепенцы
И, объявивъ себя какъ партія, хотя бъ и безъ Гучкова,
На свѣтѣ явились — мирно-обновленцы.

К. Д.

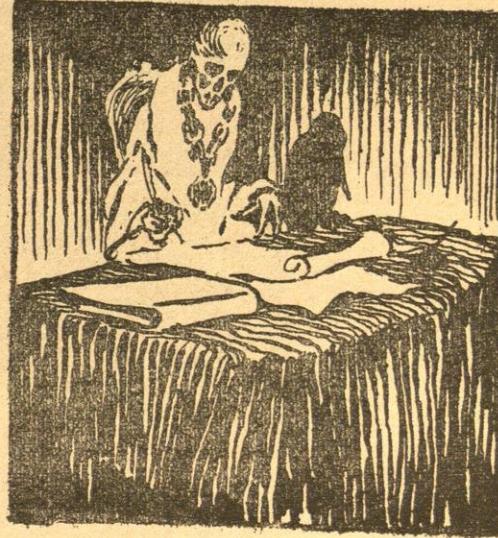
Съ походкой быстрой и вертлявой,
Большой болтунъ и мнімый землевѣдъ,
Онъ прячетъ ордена, а рѣчью шепелявой
Всѣхъ хочетъ убѣдить, что онъ давно кадетъ.

С. Д.

Лассаль и Марксъ его завѣтные кумиры,
И онъ буржуевъ яростно громить,
Въ своей рукѣ онъ держитъ бичъ сатиры:
Вѣдь въ немъ душа — эсъ-дека говоритьъ,

С. Р.

Съ лицомъ отважнымъ, яснымъ взоромъ,
Исполненнымъ благихъ химеръ,
Клеймить все ветхое, покрытое позоромъ.
Такимъ порой намъ кажется эсъ-эръ.

ОДИНЪ ВЪ-ПОЛЪ НЕ ВОИНЪ.

Единомышленники.

Петръ Аѳанасьевичъ, раскраснѣвшись отъ вина и отъ не въ мѣру сътнаго обѣда, отстегнулъ подъ салфеткой двѣ нижнія пуговицы жилета, вытянувшись подъ столомъ ноги, закурилъ сигару и принялся читать „Новое Бремя“.

Напротивъ него сидѣлъ щегольски одѣтый господинъ лѣтъ тридцати и медленно истребляя подаваемыя ему лакеемъ блюда.

Петръ Аѳанасьевичъ бѣгло просмотрѣлъ телеграммы и принялся читать статью Меньшикова.

Толстое, заплывшее жиромъ лицо его блестѣло отъ удовольствія.

Посоловѣлые глаза его расширились.

Онъ дышалъ и сопѣлъ съ передышкой.

Кончивъ читать — онъ отложилъ въ сторону газету, поводилъ плечами и проговорилъ вслухъ:

— Ловко пишетъ, шельмѣцъ!

Визави его поднялъ голову, взглянулъ въ его сторону и спросилъ:

— Это вы—о комъ-съ?

— Да вотъ въ газетѣ Меньшиковъ, — здорово пишетъ!

— Ну, колечко. Этотъ можетъ. Его японцы и жиды не подкупятъ-съ.

— Это вы резонно. Не подкупятъ. Вотъ онъ тутъ о кадетахъ написалъ. По нашему, по русски.

Какие тамъ кадеты!— жиды, и все.

— Знаете, — говорилъ медленно растягивая слова визави Петра Аѳанасьевича. — Я удивляюсь, какъ это наше правительство ихъ терпитъ до сихъ поръ. Повѣсили бы сразу всѣхъ революціонеровъ, кадетовъ и жидовъ. И дѣлу конецъ. Развѣ у насъ революція? Просто жиды хотятъ устроить хороший гешефтъ. У меня въ Тульской губерніи земля есть.— Продайте все поскорѣе— говорять мнѣ всѣ. — Пойдутъ опять бунты и все отымутъ, сожгутъ. А я плюю на бунты, на революцію. Да-съ, плюю! Пусть-ка они— эти красные поговорятъ теперь во второй Думѣ. Имъ покажутъ... Присмирѣютъ,—не беспокойтесь.

Петръ Аѳанасьевичъ мѣясь отъ удовольствія, слушая такія, умныя рѣчи, и бормоталъ: — резонно! вѣрно! правильно!

Визави его вытеръ салфеткой губы, закурилъ папиросу и подсѣвъ ближе къ нему, продолжалъ въ томъ же духѣ развивать свои мысли.

Когда они вмѣстѣ одѣвались въ передней, онъ еще долго говорилъ Петру Аѳанасьевичу о томъ, что мало еще вѣшаются этихъ бунтовщиковъ, мало бьютъ евреевъ.

— Выселить ихъ нужно— говорилъ онъ, трогая пуговицу сюртука Петра Аѳанасьевича.

— Не нравится,—убирайтесь по добру, по здоровью!

Выйдя изъ ресторана, они сердечно пожали другъ другу руки и разошлись.

Черезъ полчаса послѣ этого Петръ Аѳанасьевичъ, усѣвшись за contadorку въ своей лавкѣ, положилъ въ карманъ за бумажникомъ.

Но вмѣсто кармана онъ ощупалъ дыру въ сюртуке своемъ.

Карманъ вмѣстѣ съ бумажникомъ былъ вырѣзанъ его славнымъ единомышленникомъ.

Оэнъ.

Троянскій Конь.

„Они“ народу дать согласны
Все,—но „основъ“, „основъ“ не тронь...
А намъ „основы“ лишь опасны,
Какъ Троѣ деревянный конь.

„Они“ зовутъ страну къ покою,
Насъ обѣщающими маня...
Неужто впустимъ въ нашу Трою
Мы деревянаго коня?
Нѣть, вновь повѣрить мы не смѣемъ
Бюрократической веснѣ:—
Врага вчерашняго сумѣемъ
Найти въ предательскомъ конѣ.

Хмурый.

Пропинція.

Кишиневъ. Да здравствуютъ покойники!
Вотъ истинные патріоты.

Они молчали и не протестовали, когда за нихъ подавались избирательные бюллетени съ черносотенными выборщиками.

Вильна. Какая щепетильность! Въ избирательную комиссию явилось постороннее лицо. Оно только разорвало одинъ бюллетень прогрессивнаго избирателя.

И сколько шума изъ-за этого?

Ялта. Полковникъ Думбадзе презираетъ „товарищѣй“.

Онъ высылаетъ ихъ, высылаетъ ихъ близкихъ, родныхъ.

Онъ высылаетъ всѣхъ тѣхъ, кто проходитъ мимо „товарищѣй“.

Онъ закрываетъ магазины, рестораны, пивные, гдѣ бывають „товарищи“.

Онъ наглухо заколачиваетъ двери домовъ, въ которыхъ когда-либо жили „товарищи“.

Благоденствіе и покой царятъ въ городѣ.

Но отъ этого покоя бѣгутъ безъ оглядки всѣ, кто попадетъ туда.

Екатеринославъ. Залъ Екатеринославскаго суда временно превратился въ клубъ редакторовъ.

Для пріятнаго препровожденія времени приглашены судьи.

Судьи дѣйствительно рассказываютъ очень пикантныя исторіи.

Даже дрожь пробѣгаєтъ по спинамъ редакторовъ.

Дюкъ.

Семейные радости.

(Картина съ натуры).

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, какъ поживаете? Да что съ вами? Вы какъ будто похудѣли? И видъ у васъ утомленный.

— Развѣ? А что похудѣль, такъ это возможно. Такъ, знаете-ли, въ послѣднее время, какъ то не по себѣ. Разныя непріятности, да всѣ эти событія...

— Про событія что говорить—событій не оберешся. Ну, а какъ вашъ братецъ, Петръ Ивановичъ, все редакторствуешь?

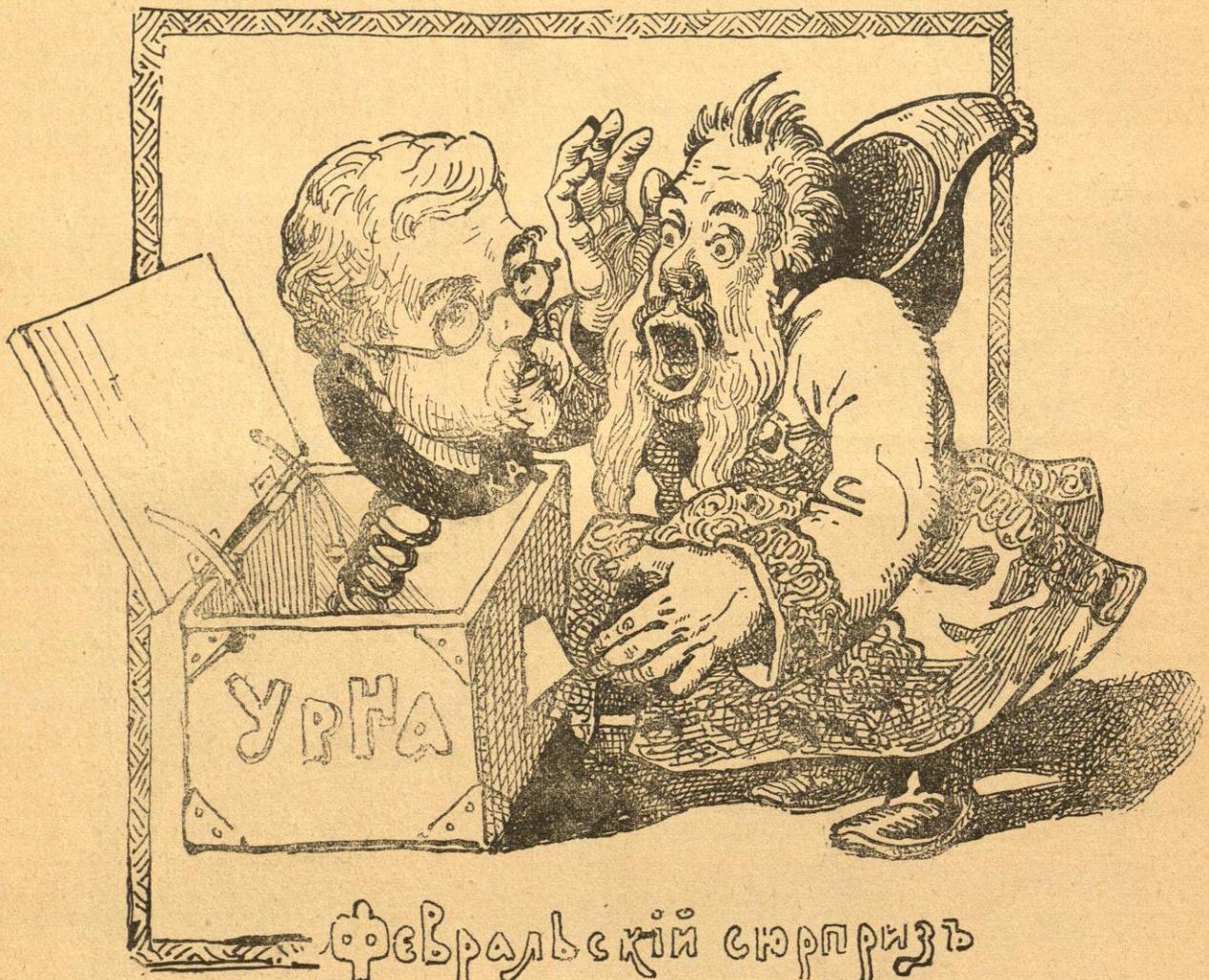
— Какое тамъ. По 129-й давно въ крѣпости.

— А за что, неизвѣстно?

— Нѣтъ извѣстно. Написалъ статью въ своей газетѣ и озаглавилъ: „Не кабинетъ,—а виногретъ“, ну и посадили.

— Жаль. А здоровье супруги вашей?

— Какой супруги? Да вы развѣ не слышали? Про нее и въ газетахъ было. Въ Фонарномъ переулкѣ, во время экспроприаціи, неизвѣстную женщину, по ошибкѣ, убили, такъ вотъ это и была

Фе́ральскій сюрпризъ

жена моя, Елена Ивановна.

— Скажите, какое несчастіе. Ну, а дѣтки какъ?

— Какие тамъ дѣтки! Можно подумать, что вы съ луны свалились. Да вы газеты-то читаете? Старшій сынъ въ Якутской области,—у него нашли двѣ прокламаціи:—дочь Сашенька въ Крестахъ,—она на голодающихъ собирала,—а Васю—младшаго, гимназиста, выслали на два года изъ столицы,—онъ швейцару нагрубилъ. Такъ всю семью раскассировали.

— Ужасно, ужасно!! Но, надѣюсь, племянница ваша, Наденька, по крайней мѣрѣ, здорова, и живеть съ вами?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Она уже два мѣсяца, какъ пропала безъ вѣсти. Говорятъ—повѣсили, но точно сказать не могу... А пока что до свиданія, тороплюсь...

— Одну минуточку. Живете все тамъ же, въ своемъ домѣ?

— Какое—тамъ, въ домѣ! Домъ давно конфискованъ. Я, сдуру, въ одну газету про свои семейные радости статью написалъ,—вотъ меня за печатное выраженіе сочувствія къ своей собственной семье, по новому закону, и оштрафовали на 3000 р.—а денегъ не было—ну, домъ и отобрали. Такъ-то-съ. Ну-съ, послѣ всего этого, я, дѣйствительно, началъ худѣть... *Nemo.*

ДЛЯ ТОРЖЕСТВА ИДЕИ.

Откровенное признаніе одного изъ многихъ.

Когда мнѣ было 16 лѣтъ, мнѣ впервые попалась прокламація эсъ-дековъ. Я зачиталъ ее до дыръ, носилъ ее всегда у сердца и рѣшилъ посвятить всю мою жизнь угнетенному классу.

Я началъ съ нашего кучера Ивана, сторожа Петра и горничной Машутки.

Иванъ и Петръ быстро поддавались пропагандѣ.

Они все говорили: — Вѣрное дѣло... Не вѣкъ паны будутъ. Выпейте съ нами. — И я напивался до положенія ризъ въ жертву идеи.

Съ Машуткой дѣло обстояло сложнѣе. Въ самый сильный моментъ моей пламенной рѣчи она прижалась ко мнѣ и щипала меня за подбородокъ.

Я долго боролся... но въ концѣ концовъ для торжества идеи сталъ ночевать въ ея комнатѣ.

Когда мнѣ было 20 лѣтъ, я слышалъ на одномъ собраніи страстную рѣчу товарища Аньоты, которая была эсъ-эркой, и все существо мое возгорѣлось желаньемъ метать бомбы, стрѣлять, выслѣживать враговъ народа.

Я сошелся ближе съ товарищемъ Аньотой,

говорилъ ей о своемъ желаніи.

Она долго не давала мнѣ прямыхъ указаний какъ дѣйствовать. И однажды вечеромъ, когда мы сидѣли съ ней въ ея комнатѣ, — она сѣла подлѣ меня, стала обнимать меня...

Черезъ недѣлю я женился на ней... для торжества идеи.

Когда мнѣ было сорокъ лѣтъ, я познакомился съ однимъ профессоромъ — кадетомъ, у которого была красавица — жена. Я долго не рѣшался поблѣднѣть въ своей политической физіономіи. Но жена кадета была такъ обворожительно-прекрасна. Я сталъ кадетомъ и сошелся съ профессоромъ во всемъ...

У насъ были однѣ и тѣ же мысли, однѣ и тѣ же взгляды... одна и та же....

Все, конечно, для торжества идеи.

Мнѣ теперь пятьдесятъ лѣтъ.

Просыпаясь ежедневно — я молю Бога не дать мнѣ свихнуться... не стать октябристомъ или еще правѣе.

Харлампій Чернякинъ.

Изъ новыхъ пѣсень.

ИЗМѢНА.

На мотивъ: Нигдѣ мілаго не вижу.

Нигдѣ *праваго* не вижу,
Ни въ деревнѣ, ни въ Москвѣ;—
Но я лѣвыхъ ненавижу,
Я вѣрна, мой другъ, тебѣ.
Одного тебя любила,—
Одного тебя люблю;—
Не страшить меня могила,—
На портретъ твой я гляжу.
Наші вѣдь еще Эстеры,
Лидваль, Гурко, — весь букетъ;
Мнѣ не страшны ни эс-эры,
Ни эс-деки, ни ка-деть.
Гляну, гляну какъ на шутку
И закрою я лицо;—
Передамъ сестрѣ малютку,
Сама выйду на крыльцо.
Вышла, вышла на крылечко,
Но мой милый не идетъ;
Потеряла я колечко,
Съ нимъ прощаюсь у воротъ.
Измѣнилъ — перемѣнился,—
Побѣдилъ союзъ нашъ — блокъ;—
На другой теперъ женился
Милый, дорогой дружокъ.
Другъ женился, — злымъ угрюмо
Смотритъ на меня эс-декъ,
Буду ждать я, — знаю: Дума,
Дума лѣвыхъ, — не навѣкъ.

Чего же еще?

Положенье чрезвычайное,—
И финансы благодатные,
Воровство необычайное,
Милосердье необъятное.
Положенье — все военное,
Избавленья все чудесныя,
Аппетиты — здоровенные,
А сановники — все честные.
И законы всѣ гуманные,
Основные и мудрѣйшіе.
Горизонты — лишь туманные,
Положенье всѣхъ — глупѣйшее!

Виръ.

Изъ Казимира Тетмайера.

мысль. (Съ польскаго).

Надломлены крылья у мысли. Захочетъ Вспорхнуть въ поднебесье, горда и вольна, — Напрасно! И крылья по грязи волочить, Какъ птица усталая, снова она. Вотъ съ мѣста сорвется, печальная, съ кликомъ,

Чтобъ въ чистыя сферы направить полетъ. Тамъ щедрое солнце въ сіянѣ великомъ, Тамъ тучи бушуютъ въ веселіи дикомъ... Напрасно! — безъ силы опять упадетъ. И падаетъ грудью на скалы, на выступъ. Кровь льется изъ ранъ ея. Но и тогда Готова она на свой дерзостный приступъ, Чтобъ снова упасть. И такъ будетъ всегда.

Хмр.

“РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ”

Издательство „Распространитель”.

Пушкинская 19, кв. 17. Телефонъ № 51—82.

ГАЗЕТЫ: „ИЗВѢСТИЯ СОВѢТА БЕЗРАБОТНЫХЪ ЮМОРИСТОВЪ“, „САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА“.

Цѣна отдѣльному выпуску 5 коп.

◆ ЖУРНАЛЫ: НОЧЬ, РАПИРА, ЕЖЪ, КОМЕТА, ВОДОЛАЗЪ, МАЛЕНЬКІЙ ЖУРНАЛЪ, НАКАНУНЪ и БУКСИРЪ.

Цѣна 6 коп., 8 коп., 10 коп., и 15 коп.

БРОШЮРЫ: М. Я. ГЕРЦЕНШТЕЙНЪ, съ портретомъ. Цѣна 10 коп. ДЕНЬ ГНѢВА, Рыделя, 15 коп.

ПАРЛАМЕНТЪ НАСѢКОМЫХЪ Ю. В. ГОЛЬДБЕРГА. Цѣна 15 коп.

Принимаются къ изданію всякаго рода сочиненія на выгодныхъ условіяхъ.

“РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ”